

РАССКАЗЫ

БИТВОИН

«Входной билет — пятьдесят рублей, с экскурсионным обслуживанием — шестьдесят, вход для иностранцев — двести. Смешно. Даже если весь город посетит нас, полученная сумма вряд ли сравнится с той, которую я должен заработать», — так думал, вставая с лавки ссыльнопоселенца, Андрей, смотритель Музея каторги и литературного творчества А. П. Чехова, коренной житель города Александровск-Сахалинский, уютно разместившегося на западном побережье острова Сахалин.

Воспитанный на сказках «По щучьему велению», «Золотая рыбка», «Сивка-Бурка» и многих других невероятных историях, повествующих о русском везении вопреки всему, о закономерном спасении героя силами птиц, зверей и царевен прекрасных, Андрей был человеком крайнего оптимизма и запредельного авантюризма, живущим в постоянном предвкушении скорого обретения материального счастья.

Информационный век давно изменил облик современного общества, его плоды появлялись в жизни людей повсюду. Теперь очередь дошла и до всеобщей меры услуг, любезностей и прочих благ — до денег. Кто-то по другую сторону океана придумал криптовалюту, хотя при чем тут какая-то крипта, использовавшаяся ранее в основном для погребения, Андрей не знал. Но он видел, что в мире что-то происходит: невероятное оживление, разговоры со всех сторон, введение в обиход неизвестных ранее слов и понятий, таких, как «биткойн», «майнинг», «блокчейн». Все в цифровом мире пришло в движение, и каждый день появлялись новые отважные кладоискатели. Это был его час: только теперь — или никогда.

Истинный потомок эректусов, унаследовавший от них не только способность к прямохождению, Андрей решил во что бы то ни стало пополнить ряды «битвоинов» — так он называл тех, кто бился в поле неизвестности за свое благосостояние. Правда, все они бились, как он считал, с опущенным забралом. Андрей же, в отличие от них, разработал план и строго следил за его точным воплощением.

Начал он с изучения иностранного языка. Работа позволяла: отсутствие посетителей и казенный Интернет предоставили для этого обширные возможности. Готовых криптоплощадок в России пока не было, Андрей слышал о планах создания русской «криптодолины» на территории Свободного порта Владивосток. Но пока эти планы не стали реальностью, основные мероприятия нужно было проводить на зарубежных сайтах.

Потом следовало выбрать подходящую доходную стратегию. Можно было просто купить криптовалюту на интернет-бирже и ждать момента для ее продажи или вложить деньги в майнинг — в добычу цифровых монет через собственные «фермы», собранные из видеокарт на дому или через коллективные, организованные на средства одного крупного инвестора и иных, более мелких участников пирамиды.

Алексей Александрович Небыков родился в 1982 году на острове Сахалин. Окончил МГЮА имени О. Е. Кутафина и ВЛК Литературного института имени А. М. Горького. Рассказы публиковал в сборнике «Точки». Живет в Москве.

Изучив все риски, Андрей решил инвестировать напрямую. Самостоятельно много не заработаешь, к тому же могут возникнуть вопросы к музею из-за огромных счетов за электроэнергию. Свою квартиру он давно сдал, переехав в музей, деньги за нее получал исправно, ничего не тратил, копил. Участвовать в чьих-то проектах Андрей тоже не хотел: обманут или используют. Долгосрочное вложение казалось ему самым надежным. Оставалось только найти средства, ведь его собственных, сэкономленных было явно недостаточно.

Спасение Андрей нашел в великой русской литературе и живописи. Антон Павлович Чехов «одолжил» Андрею свои дорожные вещи, которые сопровождали писателя во время путешествия по Сахалину. Среди них были пальто, чайник, саквояж, ложка, карта местности, счет из американской гостиницы и фотографии. У местных художников Леонида Кривицкого и Де Сон Ен Андрей «позаимствовал» великолепные картины — «Сахалинская каторга» и «Дорога домой». Все эти богатства музея были заложены местному азиату. Андрей договорился с ним, что тот не будет их продавать, и намеревался выкупить вещи обратно, как только преуспеет. На выставке теперь оставались только каторжные сувениры и интерьеры, воссоздающие быт ссыльнопоселенцев. Андрей задумчиво разглядывал старинную мебель и музейные кандалы и уповал на русские «авось» и «небось», рассчитывая на отсутствие посетителей.

И вот путь к богатству был открыт. Используя анонимайзеры, выдав себя за гражданина другой страны, Андрей зарегистрировался на одной из торговых бирж и пополнил свой счет. Время для покупки криптовалюты было самым подходящим, Андрей надеялся только на лидера — на биткоин. Его средств не было достаточно для того, чтобы купить хотя бы одну единицу желанной валюты, но несколько десятков ее копеек ему удалось приобрести. Солнце наполняло Андрея изнутри, глаза смеялись, улыбка дышала теплом, он наблюдал за балансом своего счета и пел. Он пел звонко, громко, полной грудью вбирая воздух, счастье преобразило его, но он не терял головы и четко держался разработанного плана. Опасаясь закрытия биржи или мошеннических действий других лиц, он решил доверить хранение своего сокровища внешнему носителю. Нужная флешка была доставлена по почте через океан, инструкция подробным образом изучена, перевод валюты совершен.

Андрей возвращался из банка, где арендовал ячейку для своего цифрового богатства. Все было сделано, теперь оставалось только ждать, а также следить за музеем и убеждать посетителей в том, что все экспонаты отправлены на выставку в Москву. Андрей откинулся на сиденье, в маршрутке было тихо, и он задремал. В его сне курс цифровых валют вырос на две тысячи процентов, а стоимость биткоина увеличилась на три. Он был невероятно богат. Но не праздным существованием была его жизнь, не яхты и самолеты он выбирал себе, не намеревался он отправить дедушкин автомобиль в космос. Андрей строил мост на остров Врангеля. Там его научная экспедиция собиралась исследовать сибирского лохматого землекопа — существо с невероятными способностями, с иммунитетом ко всем заболеваниям, нечувствительное к боли, живущее намного дольше своих собратьев. Вечная жизнь занимала Андрея, и он намеревался явить ее людям, а потом и продать. Имя его навсегда должно войти в историю, а город, его родной Александровск-Сахалинский, должен теперь упоминаться не только как суровое место каторги бесталанных преступников Российской империи и последнее пристанище знаменитой на всю страну Соньки, но и как родина людей великих и незаурядных.

Но утро не всегда вечера мудренее. Всему свой срок. Миновала пора везения и для Андрея. Сон свой он так и не досмотрел, маршрутку занесло на повороте, и она упала в Татарский пролив, не оставив пассажирам никаких шансов. Потому и не узнал Андрей, что мост его во сне рухнул — неправильно провели инженеры расчеты. Также не

ведал он, что во время копирования криптомонет на флешку случайный скачок напряжения прервал операцию, запись не сохранилась, и валюта была потеряна в цифровом пространстве. А музейные экспонаты все же были возвращены на свое место: подозрительный азиат был задержан российскими таможенниками при попытке выезда с украденным добром в Японию.

ЖДАНА

Но бывает так, что постучится запоздалый путник и, пригретый, забывает, что он пришел на минуту, и остается навсегда.

Сергей Есенин. Яр

— Все мы затворимся здесь, мама, все скроемся в непробудной тишине. Одиноко и пусто тут у тебя, как и у меня дома. Ведь ты боле не шаркаешь уже под моими окнами, не слышу по ночам хряста попадающих тебе под ноги сучьев, — обращалась к покосившемуся кресту Ждана. Растрепанная коса ее выбивалась из-под платка, хрупкий стан кутался от холода в ватнике, мрачная юбка доставала до земли.

Кладбище, мертвый сон вокруг, однообразные унылые могилы, ни щебетания птиц, ни огня, ни света, одни обломки жизни. Но что-то тянуло, раз за разом, Ждану сюда, будто тепла в этой промерзшей земле было больше, чем в ее родной деревне.

Солнце скрывалось за лесом, с вечера падал снег. Ровно, неспешно он покрывал все вокруг. Внезапно засвистел ветер. Он зашуршал, заговорил о чем-то, обжег Ждане лицо, ободрал руки. Наклоненные черные сосны беспокойно зашумели, кресты затрещали. Покров тишины вдруг наполнился хрипами и шорохами. Тревожно стало Ждане, беспокойно. Засобиралась она домой, простилась с матерью и отправилась в дорогу. У околицы погоста набежала на дохлую кобылу, испугалась, как в первый раз, и еще пуще прежнего заспешила к дому.

Подбежав к родной калитке, увидела, что защелка отброшена, значит, кто-то пришел, кто-то чужой или, наоборот, близкий. Разросшийся во дворе многолетний граб заголосил ветвями на ветру, встречая хозяйку. Он точно предупреждал ее о людском присутствии. Сердце ее затрепыхалось, дыхание застыло, глаза тыкались по задворкам в поисках человека или хотя бы его тени. Внезапный крик испуганной совы эхом разрезал воздух. Ждана оглянулась, а вновь обратив взор в сторону дома, увидела незнакомца. Он стоял в пролете двери и разглядывал ее.

— Какая славная ты, смазливая. Глаза — искрой, брови — вербой, а губы, поди, вязки, точно мед, — обратился он к Ждане, снимая шапку и спускаясь с крыльца. В расстегнутой заячьей шубе с просторными рукавами, в широких штанах, заправленных в голенища, с ружьем за спиной, ладный в плечах и в росте, он, так же как и отец когда-то, встречал ее во дворе, и что-то давно забытое затеплилось у нее внутри.

— Ерник ты, как я погляжу! — отвечала она ему, и по щекам ее полыхнул румянец. — Откуда ты такой появился?

— Давно уж брожу по лесу, никак не могу в утишье остановиться. Вот набрел наконец на деревню твою, да нет никого в ней, где поселяне-то?

— Ушли все да сгнули! Баят, что бесталанные мы, али с глазу дурного, али после осуда злого, — и, пристально посмотрев на парня, добавила: — И ты уйдешь.

— Самдели! А покусакать что-то у тебя есть, красавица?

— Было бы что кусакать, сама бы не отказалась, второй день ничего путного не жевала.

— Ну, не бось, я тебя прижалею, мы с тобой теперь глухаря зажарим, сей раз ощипаю, выпотрошу, растагарю очаг, и буде нам тепло и сытно! — и он, заулыбавшись, пошел в дом, шумя на ходу и распоряжаясь, точно хозяин.

В доме запахло березняком, трескучий огонь засопел в печке, Ждана затеплила гасницу, расстелила скатерть и поставила самовар. Аромат древесины смешался с благоуханием тлеющих смоляных шишек и расплылся по хате, навевая давно забытые воспоминания о полном доме, заботе и мужском участии.

Ждана ела падко, в полной тишине, не роняя ни взгляда, ни слова. Незнакомец с умилением смотрел на нее, высмотрел что-то у себя в котомке, сунул в карман и, подойдя к столу, сел рядом.

— Ну, выбирай, — и он рассыпал перед ней ладони, а на них ленты разноцветные, одна румянее другой.

Ждана несмело взяла желтую и спрятала в руке, незнакомец положил на стол еще красную и синюю, остальные убрал и, подмигнув ей, принялся за еду.

— Спасибо тебе за гостинцы, путник, а дорога-то куда тебя ведет?

— Да маюсь по свету я, долю свою ищу, износились и душа, и тело. Кем только в миру не оборачивался: и охотником, и старателем, и бродягой. Да все как-то мимо шло, и нет боле воли скитаться. Обещался вернуться домой, когда опостылю. Туда и путь держу, — услышала Ждана в ответ, и надежды ее опрокинулись.

Она вскочила, захотела схватить посуду, сбежать из-за стола, но он остановил ее, удержал крепкими руками. Касание его показалось Ждане обжигающим. Кровь у нее закипела, губы сделались влажными, сердце заволновалось, стало выскакивать из груди. Высвободив ладони, она выбежала из комнаты, где, переводя дыхание, окончательно убедила себя, что незнакомец пришел, чтобы ее оставить.

Путник сел на крыльцо, а Ждана вскоре уместилась рядом. Она часто сидела так сама и смотрела на дорогу, все ждала кого-то, тосковала о чем-то.

— Ну а ты? Как здесь одна? — заботливо спросил он и будто ненароком дотронулся до нее вновь. Ладони его на морозе остыли, стали теперь холодными, но она не отняла руки и, прижавшись к нему, заговорила:

— Много дворов полных было в нашей деревне, всего всегда в избытке и в достатке. Не смотри, что лесом село обнесено, мужик наш добычливый, всякий раз не пустой возвращался. Повадился как-то шатун по околотку слоняться, скотину валил, житницы рушил. А один раз на поселянина ночью напал, помял немного да бросил. Тем и споганил души наши, грех великий взяла на себя деревня. Вышли охотники, загнали да убили. Хотели было освежевать шатуна, а из утробы его медведята махонькие полезли. Что делать? Своротили и их тоже. Да, видно, не мирские то были медведи, а особенные. С тех пор лихо пошла жизнь наша. Скотина и птица издохли, амбары заполонила шушара, люд стал хворать и сумасбродить. Решили тогда односельчане покинуть деревню, скоро засобирались да по весне и ушли. Наш двор только остался, мать сделалась хворой. Отец с братом и до того нечасто ласкою нас окружали, а тут и совсем истязать стали и требовать. Доставалось мне дюже, до слез, до изнеможения. Мать на поправку не шла, совсем ослабела, не выходила из хаты, все перхала, много молилась. Тогда мужики в путь и пустились, за доктором, говорили, за подмогой. Я же осталась с больной, да меня и не звал никто с собой — обуза да хлопоты. Мать скоро целыми днями уже стала с закрытыми глазами лежать, близко к ней не подойдешь: пропастиной пахнет, протухла вся изнутри. А там как-то ночью пошла горлом кровь, и осталась я сирой. С тех пор много всего утекло, весна прошла, лето сменилось осенью, зима теперь уж на исходе, а мужиков своих я боле не видала и ждать уж отказалась, то ли не дошли, да, верно, просто покинули. И ты пропадешь. Верно дед говорил, что сила какая-то злобу затаила на меня за красоту мою да за нрав скромный... — и Ждана заплакала, закрывшись ладонями.

— Ну, буде, любая моя, буде. Вернутся они. Да и я никуда пока не собираюсь. Помогу тебе во всем, доколе я здесь.

— Знаю я баи твои, да и чем помочь мне хочешь? Рази воды накипятить. Стосковалась я по силе мужской, наколи мне, путник, дров. А то я все чурки невеликие уж повиытаскала да пережгла, а с большими мне и несдобровать. Топор принесу, поленица за домом, — и Ждана отправилась в хату.

Вскоре на заднем дворе застучало лезвие. Впервые за долгое время Ждана почувствовала какое-то успокоение, какую-то совершенную безопасность. Она водрузила громадный котел над очагом, наплатала его водой, снарядила парню для сна полати, а сама села в полудреме на лавку, ошалев от воспоминаний и давно позабытого счастья.

Могутный стук в окно всколыхнул ее, она кинулась к стеклу, но путника во дворе не увидела. Он входил в хату и, заметив оробевшую Ждану, жажнул дрова на пол.

— Что там углядела, милая?

— Шумнул под окном кто-то. Думкала, ты, ан нет, — и она, закрыв занавеси, продолжила: — Смышляли в старину в нашей деревне, что по ночам покойники к домам своим приходят, проведать, все ли там, как было в их времена. Давно никто уж меня не беспокоил. А ты все же не выходи ночью, мало ли что. Настил тебе справила, а я у себя лягу, с водой управлюсь только. А ты, поди, устал, отдыхай, — и Ждана, наполнив кувшин, ушла.

— Глупости все это, — бросил он ей вслед. — Небось не сбегу!

Путник устроился на полатах, загасил лампадку и скоро забылся нерушимым сном. Ему впервые было так ладно в чужом доме, нравно оттого, что он нужен и мил. И теперь уже меньше тревожила его незнамая доля сродных ему людей. Быть может, сыскал наконец он пристанище свое, обрел мимовольно кров, который так долго страдал.

Ждана обливалась жгучей водой. Теперь ее было в избытке. Наконец-то она отогрелась, и кожа ее приятно горела, отзываясь на прикосновения. Она тихо и осторожно ласкала себя. Груды ее налились, ноги задрожали, голову повело, тело стало изнемогать от приятного томления. Ждана чувствовала, что что-то вот-вот в жизни ее переменится, и не было ей от этого ни страшно, ни совестно.

Путник спал. Где-то тихо отворилась дверь, комнату наполнили неуверенные шаги, кто-то, обнимая и целуя его, лег с ним рядом. Он пробудился, вдыхая запах чистого женского тела. Виски его загудели, горячие губы отозвались на ласку. Ждана задрожала... А следом на улице раздался дикий крик одинокой совы. Птица, рассекая крыльями воздух, сорвалась с крепкого граба и устремилась в сторону погоста, заполняя своим движением пустоту окрестностей.

...Ждана лежала на спине, губы ее горели, сердце кружилось, все никак не могло успокоиться. Ей хотелось говорить, много говорить, во всем признаться. Ну и что, что совсем и не брат, ну и что, что и не ушел с отцом вовсе. Она просто забудет об этом и не станет вспоминать. А путник останется с ней, будет здесь, рядом. И она обняла его за шею, стала целовать, а слезы потоками сбегали из глаз.

— Зоренька моя, ну что ты, что ты. Выспимся нонче, а завтра и в путь заторопимся. Вместе с тобой уйдем. Негоже здесь одной хорониться. Желанна будешь родимым моим — сестре да родителям!

Все опасения ее вмиг рассыпались, все страхи и тревоги позабылись. Все теперь могла она ему объяснить, все доверить, и она тихо-тихо попросила:

— Не уходи, останься. Ладно-то как, полно-то как нам здесь вместе. Держит меня моя деревня, одна осталась она у меня. Нет уже близких моих в живых, поселяне ушли. Да все равно чувствую, что крепко связалась я с местами родными — с этими стенами, лесом, погостом. Любят они меня, никогда не изменят и не прогонят, боль-

но потерять все это, как могу все это оставить? А теперь и ты есть у меня, а боле ничего и не надо.

Притуманился путник, понял, что, верно, поздно пришел и непросто будет выпутать ему теперь девицу. Да не привык он отступать перед заслонами.

— Слушай меня, милая. Пустое ты говоришь, освободись от оков своих здешних, нет нужды тебе в местах этих, изведут, измают они тебя. А коли хочешь, забирай их с собой, в сердце своем, в памяти. Никогда не забудешь колыбелей своих, никогда не расплещешь их тепла да уюта. Теперь не перечь, как сказал, так и буде. Вскину завтра поутру ружье и тебя с собою присвою. Спи, добрая, спи, — и он прижал к себе Ждану и крепко поцеловал.

А она застыла в его объятиях в глубокой печали. Пошевелиться не смела, боялась поверить в то, что стены ее родные стали самой большой помехой счастью ее и талану. Но прав был путник: ничего не ждет ее тут, кроме гибели, и решила она, что оставит очаг свой утром, скажет ему, что любит безмерно, что пойдет с ним в чужие края и на любые стороны. Ждана забывалась в сладкой дреме, давно завязавшийся узел в судьбе ее на рассвете будет распутан, все теперь уладится по-другому.

Внезапный стук по крыше вмиг растревожил ее. Удары были сперва негромкими, размеренными. Потом несколько раз что-то сильно садануло по кровле. Затем появился скрежет, точно шаркал кто-то наверху туда и сюда, а за ним послышались непрерывные бряканье и стукотня. Жутко стало Ждане, выскочила она из постели, запалила лампадку. Пламень окрасил стены дома, спящего путника и оробелое девичье лицо. Схватила она платье свое затворное и суетливо принялась собирать его на себе. Подбежав к окну, увидела, что началась непогода.

Порывы ветра налетающей грозы захлопали и заскрипели отворенной калиткой, двор пришел в движение, изгородь начало срывать, все кругом загомонило, заухало и застонало, брызнувший дождь превратился в ливень, забухал и зарокотал гром.

Ждана затряслась, затрепетала:

— Закрывать, закрывать калитку!

Распахнула входную дверь, выскочила на улицу босиком, протянула руки навстречу дождю и ветру, заслоняя себя от ненастья, и побежала по грязи в сторону истомившейся от скрипа дверцы.

— Мама, зачем пришла? Так давно тебя не было! Знаю, что обещала не покидать тебя, знаю! Но жаждет душа расстаться с местами этими. Твоя юдоль это, не моя! Хочу уйти с ним, отпусти меня. Не могу боле тянуть эту нить, порву ее, ненавистную!

Яростный гвалт непогоды внезапно утих, глухо стало вокруг, безветренно. Вспыхнула ослепительно-белая полоса, затрещал, застонал многолетний граб, озарился в мгновение огнем и упал, разбитый молнией, наземь, а рядом с ним грянулась Ждана.

Очнувшись, она нашла себя распластанной на земле, супротив нее догорал граб, столько лет оберегавший ее от раскаленного солнца. Он и сейчас защитил ее — принял полымя на себя. А теперь, навсегда угасая, согрел ее последним своим блеском. На дворе было тихо, непогода отступила. Опасаясь неладного, Ждана вернулась в дом. Но там все было почти по-старому: путник покойно сопел на полатах, в комнатах глухо и пусто, лишь небольшой на полу беспорядок. Гроза, сотрясая и покачивая стены, поскидывала с настила посуду, горшки и всякий припас. Отцовский серп лежал на полу. Ждана подняла его и села на лавку, зачарованная его блеском.

Уже давно отболело, а он все так же ворошил в памяти ее поминны об ушедших днях. Она вспоминала маму, как та тешила ее, как заступала от отца и других сельских теснителей. Незабывной была встреча ее с супругом. Жалела она те дни, когда муж полюбился ей, когда проводила она с ним все порожнее время, когда провожала вечера, лежа с ним на сеновале, и слушала всякую от него пустяковину о том, какие у нее глаза, коса и губы.

И вот все это, что было так давно, показалось случившимся ныне, и Ждане стало горько оттого, что этого уже ничего нет, никогда больше не будет и с ней не случится. Слезы накатились на глаза ее. Ей представилось, что с приходом путника она точно потеряла что-то, жизнь ее, до того тихая, словно оборвалась, и сердце ее зануло от обиды и жалости.

Что теперь ей делать, как связать себя, заставить забыть? И почему он появился именно сейчас, а не когда она мучилась, терзалась, не спала ночей? Зачем пришел в это время, когда она уже никого не ждала, когда она смирилась с тем, что жизнь ее угасает здесь, в этой деревне, рядом с мамой? А еще волновал ее вопрос: отчего он любил ее, зачем привязался? Было бы гоже, если бы просто обманул, использовал да ушагал, не попрощавшись.

Ждана вошла в комнату и села рядом с путником. Томимая разладицей в самой себе, она сперва замыслила задушить, удавить возмутителя своего спокойствия. Но любясь в темноте кудрями его, вспоминая сильные, нежные руки его, она позабыла намерения свои, почувствовала снова нежную к нему привязанность, опять захотела оберегать, целовать его.

«А я ведь могу оставить его здесь, даже против воли, против желания», — внезапно подумала Ждана.

Пораженная этой новой нечаянной мыслью, она затаила дыхание, с любовью покручивая древко серпа у себя в руках.

И вот утро неизбежное настало. Ждана отворила дверь, пустила в хату приятный морозный воздух, жизни радовался день, солнце раскрашивало все своими полутонами. Она прошла по свежему снегу к сараю, распахнула высокие непослушные ворота, выкатила оттуда крупные санки, смахнула с них пыль, уложила поверх лопату и двинула с ними обратно к крыльцу. Вскоре рядом с лопатой был водружен куль, что-то крупное, замотанное в простыню и одеяло. Ждана собрала с собой в котомку кое-что из припасов и отправилась в сторону кладбища. Пробороздив санками останки истлевшего за ночь граба, Ждана с удивлением вспоминала вчерашнюю ночь, странные свои помыслы и затеи, чуть не сбившие ее с выверенной стези.

На кладбище она вырыла рядом с упокоенной матерью могилу, скатила в нее куль с санок и села тут же рядом, утомившись от пахоты.

— Ну, знакомься, олахарь. Кровники здесь все мои. Матя, батя и муж мои тоже тут. Некогда и они в дорогу наряжались, мать одну хотели оставить. Да вот и не вышло. Теперь и ты будешь здесь с ними вечера провожать. Храбрым ты был, не голосил по-бабьему, улыбнулся лишь криво как-то, вздрогнул, да так и замер. Жаль, только имени твоего не узнала, что на кресте-то теперь нацарапаю...

ОГНИ НЕПАЛА

Сегодня со склонов Эвереста в базовый лагерь были эвакуированы тяжело раненные проводники, в настоящий момент на высокогорье бушует ужасный ураган, в самом эпицентре которого остается группа альпинистов, отправившаяся на вершину до начала сезона восхождения. Местные шерпы считают, что именно они стали причиной разразившейся бури и что теперь рассерженная Сагарматха (так они называют Эверест) их не отпустит.

Непал — государство в Южной Азии, разместившееся между Китаем и Индией. Восемь из четырнадцати высочайших вершин на Земле расположены в Непале. Первая среди них — гора Эверест (8848 метров).

*«Эхо гор», специальный выпуск, 30 марта 20** , Намче-Базар, Непал*

1

Альпинисты шли по царству тишины и холода. Солнце уже давно покинуло эти края. Вокруг блестели пористые ледяные глыбы странной формы. Пустынные серые скалы и мутный снег сливались с мрачной бесконечностью неба. Четыре маленькие точки завершали сложный переход по ледяной реке, которая с рокотом и треском сползала со склонов высочайшей в мире горы, образуя на своей поверхности скрываемые снегом глубокие разломы и щели. Она словно пыталась избавиться от незваных гостей, смутивших ее своим движением.

Путники поднимались по склону, освещая дорогу налобными фонарями. Лица их были укрыты от ветра и холода, куртки в снегу, высокогорные ботинки обледенели. Лыжные палки в руках помогали идти, но группа шла бы намного быстрее, если бы ее не задерживали вынужденные обстоятельства. Первый в колонне постоянно проваливался в снег, второй шел рядом с третьим и поддерживал его, замыкающий часто оглядывался назад, точно боялся, что тени долины захватят его, оторвут от остальных.

Внезапно намного ниже по склону, у подножия ледяной реки появился огонек. Появился и пропал. Потом вновь, но уже не один. Два, три, четыре огонька, потом целая мерцающая вереница. Свет, так часто несущий радость, тепло, вызвал у путников сильное чувство тревоги и опасности. Замыкающий подошел к паре, идущей перед ним, подхватил шагающего с трудом альпиниста под руку, и они ускорились, догоняя ведущего.

Вскоре группа достигла самой верхней точки ледопада. Здесь, на высоте шести тысяч метров, на пути к вершине Эвереста располагался первый лагерь, где им предстояло отдохнуть и восстановить силы. В нем они нашли три двухместные палатки, установленные шерпами — проводниками из местного населения, которые всегда тропили маршрут на вершину до появления частных экспедиций. Сейчас лагерь пустовал. Шерпы ушли выше по склону, чтобы заняться обустройством других высокогорных стоянок, поднять туда грузы и проложить страховочные перила.

— Погасите фонари, теперь можно обойтись и без них, — обратился к группе замыкающий, крепкого сложения человек, манеры и повадка которого говорили о карьере профессионального горного гида. Лицо его было сплошь покрыто снегом и льдом — маска, а не лицо.

— Клим, они следуют за нами. Как же их много... — захлебываясь, говорил Дема, высокий, худощавый альпинист, с мелкими чертами лица и живыми, суетливыми глазами. На руках у него куклой висел обессилевший товарищ в ярко-красной куртке.

— Тебя, мямля, они, считай, уже поймали, если так боишься... — прохрипел крепкий здоровяк с крупной, будто вытесанной из камня головой, с густыми, торчащими во все стороны седыми бровями, за которые его прозвали «Косматый». — Вадиму надо отдохнуть, а мы пока посмотрим, чем тут можно поживиться... — говорил он, снимая рюкзак и сбивая снег с одежды.

Внезапно Вадим зашелся кашлем, кашель вскоре перешел в рвоту, и альпинист упал на колени, повалив Дему. Клим поспешил к товарищам, обращаясь к Косматому на ходу:

— Воды!

— Фляга замерзла, наколю льда, а вы тащите его в лагерь, — ответил он, достал ледоруб и направился к склону.

Вадима уложили в палатку, Дема топил принесенный лед и разбирал припасы, а двое других альпинистов вышли на воздух. Морозное небо сплошь было усеяно звездами, круглая луна освещала долину. Клим залюбовался вершиной. Громадная трехгранная

пирамида возвышалась надо всем, что было вокруг. Впервые он увидел ее, когда подлетал на самолете к Катманду, тогда ему казалось, что она находится даже выше высоты полета. Теперь же она была намного ближе к нему, но все так же недосыгаема.

Далеко внизу, в долине, снова мелькнули огни, мысли его прервались. Словно змея, серпантин по склону растянулись маленькие яркие точки, одна за другой, они будто стояли на месте, но Клим точно понимал, что они движутся вверх, что будут расти и увеличиваться, он с тревогой посмотрел на них, потом на вершину, глубоко вздохнул и обратился к Косматому:

— Нужно сделать укол Вадиму.

— Не думаю, что «декс» ему поможет. Вряд ли у него горная болезнь, скорее всего, отравился в городе, — отвечал здоровяк. — Я говорил ему, чтобы он не налегал на пиво с яками. Но дурак есть дурак. А мямля совсем достал меня своим нытьем, так и хочется ему врезать.

— Полегче, приятель, Дема целый день помогал больному, он стер ноги и теперь неважно себя чувствует. Сегодня-завтра они придут в себя, и мы вместе закончим то, что начали. Как наши бумаги?

— Заказчик все устроил. Вертолет будет ждать нас на китайской стороне. Но мы должны быть на месте точно в срок, а с обузой мы будем двигаться впритык.

Клим оставил последнюю фразу без ответа и отправился в палатку. Вадим, корчась от боли, лежал в спальном мешке, серые глаза его запали, от бессилия по лицу стекали слезы.

— А еще родился в горах. Помню, как он хвастался, что прекрасно чувствует себя на высоте и не испытывает никакого дискомфорта. А теперь я уверен, что завтра он не сможет никуда идти, — встретил вошедшего Дема.

— Не переживай, мы опережаем преследователей на два дня. Погода пока на нашей стороне, к тому времени, как они будут здесь, мы уже поднимемся в третий лагерь. Сейчас нужно хорошо отдохнуть, а ему нужен укол, он приведет его в чувство. Ты сам как?

— Я в норме, на взводе только. Голова болит, а еще ноги стер. Все эти новые ботинки. Вот бы сейчас объяснить с тем гадом, который убеждал меня, что они не требуют предварительной носки.

— Держи аптечку, займись ранами и позаботься о Вадиме. Ему обязательно нужно попить. Позже я тебя подменю, а пока пойду посмотрю, как там Косматый, — сказал Клим и вышел.

В соседней палатке здоровяк уже успел перекусить и теперь разбирал оборудование — свое и шерпов, отбрасывая в сторону ненужное. Клим расположился на спальнике, только теперь он мог немного передохнуть, выпить чаю и что-нибудь съесть, хотя аппетита совсем не было.

— Как у нас с экипировкой? — спросил он.

— Я все просмотрел, кое-что выбросил, кое-что позаимствовал. Шерпы наверху, веревку и крепления возьмем у них.

— Часть вещей Вадима я могу завтра забрать себе. Так ему проще будет идти.

— Я не думаю, что он сможет куда-то завтра подниматься, лучше всего будет оставить его здесь на день, он отойдет и догонит нас. Преследователи доберутся сюда только через два дня, если погода не испортится.

— Ты же знаешь, что если оставим его здесь, то сам он не выберется, — возразил Клим.

— Я этого как раз не знаю, но понимаю, что если будем тащить его на себе, то выдохнемся точно. У меня сегодня под конец маршрута появилась одышка, чего никогда раньше не было. Завтра ты пойдешь первым, мне нужно немного сбавить темп.

— Как скажешь. Но мы могли бы сделать носилки, большую часть маршрут будет довольно пологим.

— Исключено, ты и часу с ним на такой высоте не пройдешь, лучше позаботься о мямле, он совсем раскис, а Вадим пусть сам выбирается.

— Может, мне остаться с ним на какое-то время...

— Тогда оставь «Огни Непала» мне, — просипел здоровяк, бросая недобрый взгляд на рюкзак Клима.

— Ты же знаешь, что это невозможно. Мы заранее все определили: у тебя бумаги, у меня «Огни».

— Да, да, я помню. Но и задержки для нас неприемлемы, поэтому завтра, несмотря ни на что, мы идем к вершине.

— Ты помнишь наше восхождение в Каракоруме, мы стояли на вершине К2, весь мир был у нас на ладони, тогда мы завидовали только тем, кто смог взойти на Эверест. А теперь он здесь, рядом, в нескольких днях пути, но это все не для нас, мы пройдем мимо...

Он не успел договорить, в палатку вошел Дема:

— У него новый приступ, больше не могу с ним сидеть.

— Я пойду, — сказал Клим, поднимаясь.

— Остаешься, ты еще не поел. Я подежурю с ним ночью, отдохайте, — просипел Косматый и, собрав вещи, оставил товарищей.

— Холод невероятный, все тело болит, устал невозможно. Даже на дальних марафонах никогда так не выматывался, — жаловался, забираясь в спальник, Дема.

— Выпей чаю, он согреет. Завтра нужно встать пораньше, чтобы быстрее пройти маршрут.

— Как далеко ушли шерпы? Как считаешь?

— Думаю, до третьего лагеря должны были дойти, погода наверху была хорошая. Будем держаться проложенных ими перил, нам бы только дойти до Южной седловины, а оттуда уже спустимся в Тибет. Скоро все это закончится. Жаль только, что мы так и не побываем на вершине... Для многих подъем на нее — это самое значимое событие в жизни, единственное настоящее испытание или даже подвиг ради любви. Он ей: «Я подарю тебе вершину!», а она: «Зачем же так рисковать? Ведь гору можно обойти, как и любое препятствие!» — и они засмеялись.

Довольно скоро Дема уже перестал отвечать, он тихо засопел. Приятная дрема окутала его, она всегда завладевает теми, кто долго и упорно заставляет свое тело трудиться. Клим подошел к окну и посмотрел на долину. Внизу было темно, ничего не видно. «Значит, остановились на ночлег, а ведь могли бы идти всю ночь...» — думал он, опуская полог. В тот же миг где-то далеко на склоне мелькнули огни, а ледопад, будто предупреждая об опасности, заскрипел и заскрежетал, сбрасывая вниз ледяные глыбы.

2

Клим проснулся за три часа до рассвета и разбудил соседа. Поставив воду на горелку, он вышел на улицу. Навстречу ему шел Косматый.

— Вадим умер... — прохрипел он.

— Как? Почему?

— Всю ночь он кашлял и стонал, и я долго не мог уснуть. Потом он затих, и я решил, что ему стало легче. Утром он уже не дышал. Горы... — здоровяк пристально посмотрел Климу в глаза и похлопал по спине своей огромной рукой.

Вадим, как и вчера, лежал внутри спальника, но теперь его веки были сомкнуты, челюсти стиснуты, лицо оливкового цвета перепачкано какой-то мутной жижей. Вадима больше не было. Клим быстро покинул палатку, с трудом подавив в себе рвотный рефлекс, и вернулся к товарищам.

Косматый занимался завтраком, Дема просто сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, а увидев Клима, двинулся к нему навстречу:

— Нельзя было его оставлять, еще не известно, как он умер... — причитал альпинист, бросая многозначительные взгляды в сторону Косматого.

— Ты на что намекаешь, мямля?! — пробасил здоровяк.

— Спокойно, парни! Никто ни на что не намекает. Он умер сам, от отравления или горной болезни. Каждый из нас теперь возьмет ношу потяжелее и будет вспоминать погибшего. Нужно его похоронить и двигаться дальше, — успокаивал их Клим.

— Не нужно его хоронить, сбросим вниз вместе с палатками, подальше от тропы. Это займет наших «приятелей» и даст нам дополнительное время, — размеренно прохрипел Косматый. — Ему уже все равно, пусть нам поможет.

Предложение застыло в тишине. Здоровяк был прав: преследователи могли отвлечься на тело и палатки, сброшенные со склона, и потерять время и силы, добираясь до них. Возражать ему никто не стал, но и разговоров за завтраком больше не было.

С рассветом альпинисты надели кошки, проверили обвязку, карабины и веревки, на лицо нанесли защитный крем, глаза прикрыли масками, нос — специальными защитными пластинами. Потом скинули палатки со склона, а за ними и тело своего товарища. Гора не принимала его, он то и дело перекатывался с места на место, налетал на камни и выступы, оставляя клочья одежды то там, то тут, скользил по льду, создавая на нем причудливого цвета разметку, и так почти до самого конца, пока его полет не прекратился где-то на середине ледопада. Место было возвышенным, открытым, его ярко-красную куртку было хорошо видно с основной тропы.

В тот же миг совсем недалеко от места падения появились огни, теперь они были намного крупнее и ближе, вскоре огни превратились в точки, а точки стали силуэтами, которые наполняли осязательным движением все пространство внизу.

— Все-таки шли всю ночь! Нужно спешить, впереди долгая дорога, — раздосадованно проговорил Клим, набрасывая рюкзак.

Альпинисты вышли на склон, за ними внизу, на большом расстоянии, двигались тени.словно звенья одной невидимой цепи, две группы людей взбирались вверх. Медленно, почти незаметно они сопровождали друг друга, исследуя новые грани окружающего мира, столь неживого, столь чуждого, видя только им понятную цель.

В полдень друзья достигли громадного ущелья. Это был поражающий своими размерами каньон с вертикальными отвесными стенами. Слева возвышались массивные скалы, усыпанные снегом, справа, прямо над головой, нависали промерзшие ледяные склоны. Жара стояла невыносимая, солнце было в зените, небо ясное, без облачка. Группа, повязав куртки на поясе, то и дело останавливалась, набирала в шапки снег, утоляла жажду, а потом снова двигалась дальше. Впереди предстоял пологий монотонный путь по раскаленной печи. Полуденный жар очень опасен, он усыпляет, обезвоживает, но пережить путники не могли. Чуждые миру природы, нарушив законы людей, они могли двигаться теперь только вперед, в «зону смерти», где нет чувства голода, где сон не прибавляет сил, где тело медленно истощается и умирает, где любой шаг дается с невероятным трудом, где каждый сам за себя и даже у подготовленного альпиниста очень небольшие шансы выжить.

Они шли медленно, без разговоров, сберегая дыхание для ходьбы, связанные одной веревкой и одной целью. Замыкающий, самый крупный из всех, то и дело поправлял маску, прятал лицо от палящего солнца. Несколько раз он падал, тогда на

помощь к нему глиссировали по льду товарищи, и он вновь поднимался и продолжал путь. Вечером путники подошли к последнему на сегодняшний день препятствию — почти отвесной скале, по которой несколько часов нужно было подниматься вдоль вертикальных страховочных перил. Погода портилась, появился холодный ветер, посыпал снег, долину внизу постепенно заволакивали облака.

— Быстрее бы добраться до места стоянки. Я пойду первым, — сказал Дема.

— Хорошо, внимательно проверяй веревки, — согласился Клим и направился к здоровяку, который приближался к склону.

— Как ты?

— Да в норме. Солнце слепило днем, местами терял вас из виду, и все вокруг становилось белым. Теперь мне лучше, голова только раскалывается страшно, но до лагеря дотяну, — прохрипел Косматый.

— Хорошо, поднимайся, я за тобой, а то погода портится.

Здоровяк с трудом полез вверх, а Клим стал карабкаться следом.

Заканчивалась скала на высоте шести с половиной тысяч метров, там расположился второй высокогорный лагерь, разбитый на плоской площадке, образовавшейся в результате движения горных пород. Стоянка была хорошо защищена от ветра, утром первые лучи всегда согревали ее, с нее открывалась потрясающая панорама долины, но теперь повсюду виднелись только ледяные пики и хмурые грозные облака.

Подбираясь к краю скалы, Дема отцепил карабин для того, чтобы обойти крепеж перил и подсоединиться к ним выше. Внезапно на голову посыпался снег, потом ледяные камни, не крупные, но их было достаточно, чтобы он потерял равновесие. Руки его судорожно хватили воздух, шипы впивались в гору, падение было неизбежным, но второй страховочный трос должен был удержать альпиниста и спасти от полета в бездну. Канат натянулся, заскрипел, затормозил падение — и вдруг что-то лопнуло. Основная веревка, к которой был прикреплен Дема, не выдержала. По ошибке, выбившись к вечеру из сил, он подсоединил страховку к прошлогодним перилам, которые сгнили и пришли в негодность. И вот он полетел вниз по склону, успев только крикнуть: «Шерпы!»

Косматый, увидев падающего товарища, сделал петлю из связывающей их веревки и накинул ее на скальный выступ недалеко от себя, потом с силой вбил кошки в склон, присел и воткнул ледоруб в тело горы. Дема пролетел мимо него. Веревки выдержали. Здоровяка дернуло, но он не сорвался. Дема сильно ударился головой в момент натяжения, но был в порядке и уже подсоединился к основным перилам. Здоровяк отцепил себя от общей страховки и быстро стал подниматься вверх.

Шерпы были предупреждены по рации о том, что к вершине движутся альпинисты, которых необходимо остановить или хотя бы на какое-то время задержать. Сейчас был не сезон для восхождений, и частные экспедиции еще не прибыли в базовый лагерь, поэтому ошибиться в том, кто встретился им на пути, шерпы не могли.

Когда Клим и Дема забрались на скалу, они застали ужасную драку, а точнее, просто избивание: Косматый топтал двух щуплых проводников грубыми высокогорными ботинками, шипы то и дело пробивали ткань и доставали до плоти. Потеряв способность сопротивляться, шерпы лишь стонали и всхлипывали.

— Стой! — крикнул Клим, но его не было слышно.

Тогда он подбежал к здоровяку и бросился на него, пытаясь сбить с ног. Они упали и стали кататься по земле.

— Прекрати! Это я! — кричал Клим. Но Косматого было не остановить, он махал руками и рычал. Только отвесив несколько ударов ему в голову и получив в ответ столько же в лицо, Клим смог унять громилу и оттолкнуть в сторону.

Разъяренный здоровяк направился к палаткам, Дема подошел к Климу и стал поднимать его. Вдруг он резко подался назад, не то крикнул, не то простонал, испугав-

шись чего-то, и повалился на землю. Клим обернулся и увидел мертвого альпиниста в черной выцветшей куртке, точнее, только верхнюю его часть, ног не было. Он сидел, подпирая спиной склон, лицо его было свинцовым, плоть местами отсутствовала, открывая череп и пустые глазницы, кисти рук были обглоданы ветром до костей.

— Черная куртка, черная куртка! — закричал Дема.

— Перестань, это просто тело, его не убрали со склона, потому что не видели под снегом! — успокаивал товарища Клим. И только когда тот с трудом овладел собой, друзья смогли подняться, зацепить за поясные сумки обессилевших шерпов и отправиться в лагерь.

3

На площадке вплотную друг к другу были установлены небольшие треугольные палатки. Вдоль отвесных стен располагалась свалка: использованные кислородные баллоны, снаряжение и прочие отходы, в баках или просто на земле все то, что не спустили вниз и бросили альпинисты на горе. Мрачная неживая картина, памятные людские дары.

Тьма сгущалась, обволакивала все вокруг. Вместе с ней пришла и непогода. Температура упала до минус тридцати, холод пронизывал до костей, руки деревенели. Поднялся шквальный ветер, он выл и ревел, рвал палатки, хлопал пологом. Гора, так и не сумев остановить восходящих на подступах, бесновалась и неистовствовала.

— Что за бардак ты там устроил? — спросил здоровяка Клим, сбрасывая рюкзак.

— Они еще хорошо отделались! Сперва я хотел сбросить их с горы после того, как они чуть не сбили с нее нас! — проревел Косматый, очищая шипы на ботинках.

— Ты слишком сильно их отделил, они без сознания. А нам нельзя терять контроль. Это главное, — отвечал Клим.

— Мне главное сейчас — поесть и выпить чаю, а потом отдохнуть, — бурчал здоровяк.

— Срочно нужно уходить отсюда... Немедленно... Сейчас же... — словно в бреду, повторял Дема.

— Как идти в такую погоду, мямля? — возразил Косматый.

— По прогнозам, завтра должно быть окно, и мы сможем достичь седловины. А потом, не забывайте, что непогода на всей горе, и они тоже будут ждать, — успокаивал друзей Клим.

— Дальше маршрут не проложен. Пойдем без перил. Для сложных участков нужно будет взять крючья и веревку, — хрипел Косматый.

— Да, я знаю. Как твои глаза? — спросил Клим.

— Солнце утюжило их целый день! Голова так и не прошла! Год назад мне паяли сетчатку после стычки в баре, может, причина в этом?..

Клим кивнул и отправился в палатку к шерпам. Начинался сильный снегопад, хлопья валили сплошной белой массой, видимости не было никакой. Проводники приходили в сознание. Клим дал им напиток и помог забраться в спальные мешки, связав предварительно руки. Он надеялся, что через день-два к ним должны будут подняться их преследователи, тогда они будут спасены, а может, ему было уже все равно. Один из шерпов в бреду повторял:

— Большой грех... Сагибы не должны искать богатство в горах, только сердце, только гордость... Сагарматха не довольна, зовет остаться, навсегда остаться... — и потом только стоны.

Вернувшись к товарищам, Клим заметил, что у Демы началась лихорадка. Возможно, у него обострились симптомы горной болезни, а может быть, это были последствия его падения.

— Что с ним? — спросил он Косматого.

— Не знаю, мямля сперва слонялся по палатке, точно пьяный, спотыкался, плохо отвечал. Все вспоминал того замерзшего «приятеля». Тогда я сказал, что на китайских склонах его еще ждут такие же «друзья» и что по ним мы будем отмечать высоты на спуске. После этого он просто закутался в спальник и стал маяться, словно в бреду.

— Ты нашел тему для разговора. Нужно вколоть ему «декс» и дать кислород, — сказал Клим, подходя к Деме. Тот лежал в забытьи, никак не реагируя на вопросы и просьбы, язык его сильно распух, тело температурило. Клим сделал ему укол.

— Если это отек, то его спасет только спуск вниз. Другими словами, он обречен, а кислород завтра может понадобиться нам самим, — возражал здоровяк.

— Перестань! Кислород остановит болезнь и поможет заснуть. Завтра ему станет лучше, вот увидишь, — говорил Клим, надевая на больного кислородную маску. — А когда все это закончится, мы снова вернемся сюда и дойдем до вершины, до высочайшей точки Земли...

— На этой вершине так легко сгнуть! И никому не будет дела. Ты думаешь, кто-то там понимает, что это значит — взобраться сюда, да никто и представить себе не может, с чем тут приходится справляться, как сложно здесь выжить. Для многих восхождение — дело обыденное... — закончить здоровяк не успел, Дема пришел в себя и, сбросив кислородную маску, начал стонать. Клим подошел к нему.

— Как ты себя чувствуешь?

— Разбит, совершенно разбит, голова стянута обручем, — тихо пошептал Дема и, вцепившись в руку товарища, продолжил: — Я до сих пор чувствую взгляд того мертвеца. Черная куртка...

— Ты бредишь, успокойся.

— Нет, слушай. Это было давно. На горе меня и напарника застал буран, снегу намело столько, что мы потеряли ориентиры. Идти больше не могли и решили вырыть в склоне пещеру. У него случился отек, ему резко стало плохо. Нужно было срочно спускаться, но я не мог его тащить, совершенно выбился из сил. Я сказал, что отправлюсь за спасателями и приведу помощь. Прощаясь, он просил меня похоронить его в случае, если я не успею вернуться. Я пообещал. Долго плутов по склонам, я в конце концов нашел лагерь. Лишенный возможности говорить, истощенный обморожением и усталостью, я проспал не менее двух дней и помощь вовремя отправить не сумел. После спасатели так и не нашли следов нашей пещеры, а я никогда уже не возвращался в те места. С тех пор прошло десять лет, это случилось на этих склонах, на склонах Эвереста, мой друг был одет в такую же черную куртку... — и Дема зашелся кашлем, так и не договорив.

— Ты лучше просто лежи, лекарство и кислород помогут, — проговорил Клим, надевая ему маску.

— Вадиму ничего не помогло... — прошептал Дема.

— Если он не отойдет до завтра, то придется оставить его здесь, — вмешался хриплым голосом Косматый. — Он бы больше нам помог, если бы умер и не растратил запасы кислорода. Я пойду спать в другую палатку, надо восстановить силы, — закончил он и, не дожидаясь ответа, вышел на улицу.

— Не слушай его, лучше представь, где бы ты мог сейчас оказаться. Мы могли бы быть на вершине Эвереста, с одной стороны Китай, с другой — Непал. Ты выше планеты всей, а ноги по-прежнему на земле. Сколько бы ты отдал за этот миг?

Но ответа не последовало. Дема опять впал в беспамятство. Вскоре и Клим провалился в сон, он утонул в глубинах своего спальника, купол палатки улетал куда-то ввысь, картины вокруг расплывались, вызывая головокружение. Периодически он

слышал стоны товарища, потом его обдало холодом, казалось, что на лицо падает снег, стоны сменились звуками какой-то возни, потом все стихло, а вновь появившаяся прохлада сменилась ощущениями тепла и покоя.

4

Сон на высоте очень беспокоен и неглубок. Утром встаешь неотдохнувшим, ощущая только уныние и апатию. Тело словно напитывается ядом, постоянно страдает и болит. Голова все время напряжена, точно ты не спал много дней.

Клим проснулся от приступа удушья. В палатке совсем нечем было дышать. Оглядевшись, он увидел, что Демы нет. Ночью снегопад усилился, и лагерь полностью замело. Клим первым понял опасность и, откопав себя, стал расчищать снег — сначала с палатки здоровяка, потом с палатки шерпов. Косматый только проснулся, и видно было, что эта ночь также далась ему нелегко: перекошенное лицо, впалые глаза, землистый цвет лица, пересохшие губы. Дему он не видел. Состояние шерпов было критическим. Клим вколол им лекарство и пошел дальше разгрести лагерь в надежде отыскать под снегом пропавшего товарища.

Погода прояснилась, редкие облака накрывали долину, рассвело, но следов Демы так и не удавалось обнаружить. Все запорошил снег, кричать было бессмысленно. Здоровяк готовил оборудование к выходу и занимался едой, а Клим, замерзая от холода, продолжал поиски. Исчезновение Демы казалось странным: обувь и куртка были на месте, его вечернее состояние говорило о невозможности не то что выйти на прогулку, но просто подняться по нужде. Оставив в итоге попытки найти его, Клим вернулся в палатку.

— Куда мог подеваться Дема? — спрашивал Клим скорее самого себя, отогревая руки у горелки. — Мне приснился какой-то странный сон, не знаю, что и думать...

— Похоже, мямля вышел ночью на улицу. Ты помнишь, в каком он был состоянии? А на краю очень скользко, особенно если ступаешь на лед в неправильной обуви, — отвечал Косматый.

— Ты будто рад?

— Да, пожалуй, я рад! Теперь не придется идти с обувью, и доля моя стала больше... — с вызовом ответил Косматый.

Клим посмотрел на здоровяка, вид у него был зловещий: губы скривились в отвратительной ухмылке, сосуды в глазах полопались, брови торчали в разные стороны, лицо сплошь покрыто черной щетиной. Черт, а не человек. Только в этот момент Клим понял, как опасен и непредсказуем его товарищ — человек, от которого зависит его жизнь, его шансы на подъем, спутник, который должен выполнить свою часть сделки и которому он должен верить.

Проверив веревки, надев шипы и фонари, вооружившись ледорубами, альпинисты покинули лагерь. Теперь их осталось двое, горе удалось погубить остальных, а также заронить сомнение в души живых — дальше в связке они не шли. Им предстояло восхождение на кислороде, шансов дойти без него на такой высоте практически не было. Каждый нес по три баллона: по одному — на подъем и спуск и еще один — для ночевки в последнем лагере.

Маршрут предстоял непростой. Вначале необходимо пройти по пологому ледяному склону, проваливаясь по пояс в свежий снег, сбивая дыхание на каждом шагу. Потом нужно подняться вверх по отвесному морю льда, болтаясь на прошлогодних перилах на ветру и температуре минус сорок с риском сорваться в любой момент. Далее предполагал привал, всего на несколько часов, а вечером группа должна войти в «зону смерти», пройдя путь вдоль совершенно голых скал и льда на ураганном ветру, и ос-

тановиться на ночь на Южном седле, где сил совсем не будет, где сердце даже во время отдыха бьется, как сумасшедшее, где тело медленно умирает, где сознание тебе уже не принадлежит, а любые ошибки становятся роковыми.

За час до заката альпинисты достигли места временного отдыха. На отвесной скале прямо во льду когда-то очень давно была высечена небольшая площадка. Там, на ветру, изможденным путникам с трудом удалось установить палатку и укрыться от холода. Они забрались в спальники прямо в одежде. Восстанавливая дыхание и отогреваясь, они сделали себе уколы, чтобы прекратить головокружение и избавиться от дурноты. Вскоре лекарство подействовало, и они почувствовали себя лучше.

До выхода оставалось чуть больше часа, солнце только-только зашло за горизонт, долины уже были все в тени, но отблески света еще сохранились на вершинах. Они стояли, словно раскаленные острия мечей, приковывали к себе взгляды, наполняли окружающий мир каким-то таинством.

Клим вышел на улицу. Погода здесь менялась непредсказуемо и моментально. Теперь воздух был недвижим, и он смог сесть, свесив ноги, на карнизе ледяного склона, на самом краю пропасти. Дух захватывало от высоты и потрясающего вида на долину, которая утопала в облаках, похожих на взбитые сливки. Точно застывшее море, они сгущались далеко внизу, ниже второго высокогорного лагеря. Это были верхушки грозовых облаков. Там уже начиналась буря. До «седла» оставалось всего несколько часов. Сигнальное снежное облако развевалось, будто флаг, над пиком Эвереста. Значит, ветер наверху совсем небольшой. Клим хотел оказаться там, на вершине, объять весь мир своим взором, расправить руки, как крылья, и почувствовать потоки небес. Мысли уносили его вдаль, но тревоги всегда возвращаются, как только мы забываем о них.

В лагере, который они покинули сегодня утром, появились огни, теперь их стало меньше, но и их группа давно была неполной. Преследователи располагались всего в одном дне пути. Опасность стала ближе, реальнее. «Будут ли они спускать травмированных вниз, или в этом уже нет необходимости? Почему никак не отстанут? Зачем хотят забрать то, что им не принадлежит? Зачем хотят получить то, что наше по праву?» — думал про себя Клим, направляясь в палатку.

— Как там погода? — встретил его здоровяк.

— Густые облака в долине, но думаю, сможем дойти до седловины без осложнений. Шлейф еле виднеется, ветра совсем нет. При других обстоятельствах мы могли бы взойти на самый пик, испытать границы своих возможностей, найти неведомый ранее внутренний смысл, задышать полной грудью...

— Ну что за бред ты несешь! На вершине ты найдешь только лед и камни, а дышать там и вовсе невозможно. У тебя в рюкзаке «Огни Непала», и весь мир в твоих руках. Если уж ты так сильно хочешь покончить с собой, то сможешь дорого это сделать позже, взойдя налегке с командой помощников. Ведь твоя красивая мечта уже давно продается за деньги! наших «друзей» не видно?

— Они во втором лагере.

— Чтоб их! Допивай чай, и будем выдвигаться, оборудование я проверил.

Через полчаса альпинисты вышли на склон, огни были на прежнем месте, даже казалось, что некоторые из них стали спускаться. Ветер усиливался, снизу росли грозовые облака, теперь они озаряли небеса всполохами оранжевых молний. На вершине ледяной стены гора обрушила на незваных гостей всю свою ненависть и злобу. До места последнего лагеря оставалось не более ста пятидесяти метров, но пройти их означало совершить невозможное.

Начался ураган, и альпинисты оказались в самом его центре. Распластавшись на широком, исхлестанном ветрами плато, они пытались найти убежище, хоть какое-то

укрытие. Молнии сверкали то тут, то там, по склонам сходили лавины, грохоча, словно сотни орудий. Одежда давно не спасала от жуткого холода. Вихри снежной пыли сбивали с ног, заклепывали маски, разглядеть что-то можно было только на расстоянии вытянутой руки. Дикий вой стоял повсюду. Пепельно-серое небо стало ослепительно-белым и слилось с горой, различить их границы было невозможно.

Путники связались веревкой и, прижавшись друг к другу, пытались подставить спины ветру, но тщетно: ураган налетал со всех сторон, бросал в лицо снег и ледовое крошево. Рев заглушал звуки, докричаться можно было только по ветру, иначе ничего не слышно. Альпинисты ничего не различали, видели только какие-то очертания и тени. Они пытались согреться, хлопая друг друга по спине, старались двигать руками и ногами. Клим подключил перед подъемом свой второй баллон и теперь боялся, что ему не хватит кислорода, поэтому попросил здоровяка уменьшить его расход. Косматый повернул вентиль и, сказав, что пойдет к скалам ставить лагерь, неуверенным шагом направился в белую мглу.

Клим последовал за ним, он видел только свет его налобного фонаря, который то появлялся, то пропадал где-то впереди. Голова его как-то странно прояснилась, появились силы, и он начал двигаться быстрее. Потом эйфория сменилась проблемами с дыханием, возникла одышка, он сел, чтобы восстановиться, но почувствовал, что ему становится только хуже. Появилось ощущение удушья, в глазах потемнело, голова закружилась, силы в одночасье покинули его. Клим проверил уровень газа в баллоне и увидел, что он был на нуле.

«Как же так? — думал он про себя. — Косматый, наверное, случайно открыл вентиль на полную... И весь запас вышел... Но есть еще один в рюкзаке... Только бы не потерять здоровяка из виду...» — сокрушался Клим, доставая баллон и разыскивая свет фонаря в темноте. На какое-то мгновение огонек возник где-то на востоке, а потом исчез. Тогда Клим захотел предупредить товарища, сообщить ему, что он остановился. Он стал подтягивать связывающую их веревку, но натяжения не происходило. Через какое-то время в руках у него оказался ее конец, карабин был отстегнут.

«Зачем отстегнулся? Палатка, разрешения — все у него... Сперва восстановить силы, потом до лагеря», — успокаивал себя Клим.

Но кислородный баллон оказался пустым, Косматый подменил его во время стоянки. «Огней Непала» в рюкзаке также не было, вместо них в коробке лежали простые булжники и записка: «Такие же камни ты найдешь на вершине!» Клим не в полной мере понимал, что произошло. Один вопрос крутился в голове: «Как мог я дать себя так провести?!» Без кислорода движение казалось невозможным, он чувствовал только одну нескончаемую боль, по телу разливались странные волны тепла, хотелось скинуть одежду, но Клим знал, что это симптомы чрезвычайного переохлаждения. Он лег на рюкзак, чтобы немного передохнуть, тело тут же разомлело, стало ватным, никогда раньше он еще так не уставал...

5

Клим очнулся от внезапных раскатов грома, он не знал, как долго пролежал на месте, но по ощущениям прошло не меньше часа. Вокруг все было абсолютно белым, молнии сверкали где-то там, над головой. Он снял маску, чтобы очистить ее, но, оказывается, дело было не в ней. Один глаз был полностью закрыт пеленой, другой — почти ничего не видел. Силы совсем покинули его, он словно умер. Каждый вздох обжигал гортань, он попробовал поесть снег, но это не помогло. Ощущения отсутствовали — ни боли, ни страха. Он просто лежал на снегу, и ему было спокойно и приятно.

Клим понимал, что в движении — жизнь, если он останется здесь, то заснет и погибнет, не сможет вернуться... Нужно было найти какое-то укрытие, добраться до

скал. Но как пошевелиться, когда тело словно не твое, когда ты просто сознание, оказавшееся в чужой оболочке? Идти он не мог, поэтому вначале просто пополз, без ориентиров, наугад. Он будто оказался под водой, на самом дне, утопал в вязком иле, любое движение казалось бесконечным, встречало непреодолимое сопротивление, воздуха не хватало, легкие разрывали его изнутри. Превозмогая себя, через какое-то время он смог встать на колени и стал перемещаться немного быстрее. Помогали собраться разговоры с самим собой и воспоминания о прошлом.

Внезапно он увидел что-то впереди, какой-то силуэт. Фигура светилась, пылала, лицо было сплошной черной бездной, всклокоченные волосы, точно змеи, развевались на ветру. Он хотел подползти ближе, но наткнулся на что-то и упал сверху на препятствие. Сперва он подумал, что это камень, но это оказался рюкзак, рюкзак болотного цвета, рюкзак здоровяка. Подняв голову, Клим увидел, что он вновь на склоне один. Там, где раньше было видение, теперь остался лишь небольшой пригорок. Нужно ли ползти дальше? Что он там найдет? Интуиция подсказывала, что там нет ничего, кроме опасности. Какое-то непонятное чувство страха сковывало его, замерзшими руками он достал баллон из рюкзака Косматого.

Кислород прибавил сил, голова прояснилась. С большим трудом ему удалось установить палатку прямо около небольшого пригорка. То, что обычно занимало не более десяти минут, на ужасном холоде и ледяном ветру отняло не меньше часа. Укрывшись внутри, он упал на пол без сил. Руки были обморожены и сильно опухли, ремень от часов тисками сжимал левое запястье, но пальцы не слушались, и он не мог их снять. Ног он также не чувствовал. Мозг изменил кровоток, спасая ему жизнь, жертвуя теплом конечностей. Он понимал, что без потерь теперь явно не обойдется, может, даже понадобится ампутация, но был рад, что остался жив, что не сгинул на горе. Сознание постепенно покидало его...

Он стоял на вершине Эвереста над просторами мира. Видел его край, чувствовал ветер небес. Руки ловили потоки воздуха, они были теплыми и ласковыми. Невероятная высота не вызывала страха, ее глубина дарила только восхищение, только спокойствие. Как часто он грезил об этом миге, как сильно желал оказаться тут. Он оглянулся по сторонам. Слева распластались необъятные дали Тибета, справа утопало в облаках плато Королевства Непал. Священные буддистские флажки и ленточки, привязанные к небольшому треножнику — символу высшей точки планеты, яростно хлопали на ветру.

Но что-то было не так. Вокруг не было никого, никто не поздравлял его с победой. Все, кто были рядом, погибли или покинули его, а та, которой он обещал вершину, все еще ждет его возвращения. Но дождется ли? И что с ней будет, если он не вернется? Как он вообще оказался тут? Острая необходимость быть здесь теперь исчезла. Померкло чувство особой значимости, жизненной полноты, причастности к числу избранных. Правильность его решения предстала совсем в ином свете. И он просто стоял на пике мира с нарастающим чувством внутреннего опустошения, совсем один, совсем без эмоций.

Эпилог

Согласно полицейским отчетам, в конце марта группа преступников из четырех человек совершила ограбление представителей известной кинокомпании, которые прибыли в базовый лагерь у подножия Эвереста до начала сезона восхождения для проведения рекламной съемки «Огней Непала» — известных во всем мире алмазов. Завладев камнями, бандиты попытались достичь Южного седла — плато недалеко от вершины Эвереста, расположенного на высоте 7900 метров. Оттуда они хотели спуститься в Китай, чтобы скрыться от правосудия.

Отряд местной полиции, отправленный за ними в погоню, не имел бы шансов поймать грабителей, если бы не разразившийся на склонах высокогорья ужасный ураган, который, по словам старожилов, был самым сильным за всю историю Сагарматхи.

О судьбе похитителей на текущий момент известно следующее.

Один преступник, в ярко-красной куртке, был найден недалеко от тропы, идущей по ледопаду. Он умер естественной смертью в результате серьезного пищевого отравления и воздействия горной болезни. Бандиты избавились от него, скинув со склона вместе с ненужными вещами, среди которых было также обнаружено три разрешения на спуск в Китае.

Другой похититель лежал на животе без обуви и верхней одежды у подножия отвесной скалы на подступах ко второму высокогорному лагерю. Вся спина у него была ободрана, точно его тащили по камням. Предположительно, возникшие между бандитами разногласия спровоцировали ссору, в результате которой его и скинули вниз. Под телом преступника нашли еще одного альпиниста, в черной куртке, который пролежал под снегом не менее десяти лет. Он обнимал упавшего на него бандита, словно старый товарищ.

Еще одно тело обнаружили у подножия ледяной стены, недалеко от третьего высокогорного лагеря. Вид найденного громилы был ужасающим: одежда расплавилась, плоть полностью обожжена, кожа полопалась, волосы на голове выгорели, вместо глаз зияла обугленная дыра. Он умер от удара молнии, после которого и упал со скалы.

Последний член банды находился на Южном седле, на краю обрыва. Он сидел в положении полупоклона, обнимая полный кислородный баллон, вентиль которого замерз. Снег забился в его капюшон, маска на лице отсутствовала, глаза были разодраны, левая рука у него была без перчатки, опухшая и почерневшая, она сжимала фотокарточку неизвестной девушки, на обороте которой кто-то мелким почерком написал: «Ты вернешься, обещаю мне играть Шопена! Твоя Н.».

В заключение сообщаем, что «Огни Непала» так и не были найдены!

*«Эхо гор», специальный выпуск, 2 апреля 20** , Намче-Базар, Непал*